

Р. П. ДМИТРИЕВА

ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ЦЕНТР КНИЖНОСТИ

Материалы рукописного наследия Иосифо-Волоколамского монастыря неоднократно привлекали и привлекают к себе внимание исследователей. Примечательным является то, что эти исследования посвящены историческим событиям и литературным явлениям Руси конца XV—XVI в. Как известно, иосифлянская группировка церковников с момента основания Иосифом Волоцким монастыря (1479) и в течение всего XVI в. принимала активное участие в церковной и политической жизни Русского государства. Как показал Я. С. Лурье, роль иосифлянских публицистов в разработке и пропагандировании официальной идеологии на протяжении 1-й пол. XVI в. постоянно возрастала.¹ И все большее число вновь устанавливаемых фактов выявляет значительное участие иосифлянского круга церковников в развитии разных жанров литературы этого периода.

Целеустремленность основателя монастыря Иосифа в утверждении определенной общественно-политической позиции четко прослеживается на материале его писательского творчества. Его соратники и продолжатели также очень хорошо понимали важность владения разными видами жанров письменности для поддержания своего престижа в церковной и политической жизни. В. П. Адрианова-Перетц писала: «Одно из наиболее характерных явлений в истории русской литературы второй половины XV—XVI в., давно отмеченное литературоведами, — усиление публицистических элементов в традиционных литературных жанрах (исторических, повествовательных, биографических, легендарных)

¹ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV- начала XVI века. М.; Л., 1960 С. 481—499.

и создание собственно публицистических произведений на основе деловых жанров письменности».²

Хорошо сохранившаяся библиотека рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря дошла в составе двух собраний: ГБЛ, собр. Вслоколамское и ГИМ, собр. Епархиальное. Из числа принадлежавших ранее библиотеке более чем двадцать рукописей обнаружены исследователями в составе других собраний.³ В результате привлечения волоколамских рукописей для изучения самых разных проблем общественно-политической и литературной жизни Руси XV—XVI вв. к настоящему времени установлен целый ряд фактов, характеризующих Иосифо-Волоколамский монастырь как один из числа значительных книжных центров того времени.

Из иосифлянкой среды в XVI в. вышло немало писателей. Имена многих из них сохранились благодаря сложившейся в монастыре традиции почитания своих наставников путем включения их произведений в создаваемые в монастыре рукописи и бережному отношению к рукописному наследию.⁴ Это наглядно подтверждает судьба эпистолярно-публицистического наследия Иосифа Волоцкого: его сочинения, дошедшие до нас в списках XVI в., в большинстве своем были переписаны иосифлянами⁵ и включены ими в свои четьи сборники. Хорошо известен большим числом произведений второй игумен Волоколамского монастыря Даниил, занявший в 1522 г. митрополичий престол. Списки его сочинений, относящиеся к XVI в., тоже переписаны книжниками из иосифлянской среды.⁶

К настоящему времени уточнена роль Досифея Топоркова, одного из ближайших сподвижников Иосифа, в создании Русского хронографа. Над составлением первоначальной редакции Хронографа Досифей работал в 1516—1522 гг.⁷ Свою непосредственную связь с иосифлянством автор Хронографа отметил в предисловии, озаглавленном «Изложение о вере». С работой его над Хронографом следует связывать упоминания в Описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. о списках в «переводе» Досифея «Книги Бытия» и «Криницы» (какой-то хронографической компиляции типа Хро-

² Адрианова-Перетц В. П. [Рец. на кн.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960] // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1960. № 3. С. 237.

³ См.: Зимин А. А. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Зап. ОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 19—21.

⁴ Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 202—230.

⁵ См.: Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. — В тщательно составленных комментариях к изданиям текстов содержатся сведения и о сторонниках Иосифа, и о его противниках.

⁶ Данные о списках сочинений Даниила в основном заимствованы из монографии: Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.

⁷ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 188—207; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 168—169.

ники Амартола).⁸ В конце своей жизни он написал произведения, непосредственно связанные с Волоколамским монастырем: Слово надгробное Иосифу Волоцкому и Волоколамский патерик («Сказание о русских пустынножителях»).

Слово надгробное было использовано как источник в официальном Житии Иосифа Волоцкого, написанном по поручению митрополита Макария постриженником Иосифа крутицким епископом Саввой Черным в 1546 г. Автором службы Иосифу Волоцкому был почитаемый в Волоколамском монастыре старец Фотий.

Имена некоторых других, менее значительных авторов иосифлянского круга сохранились благодаря четким сборникам, составлявшимся в Волоколамском монастыре, куда книжники наряду с сочинениями Иосифа Волоцкого включали произведения своих наставников и других писателей, связанных с иосифлянами. Наиболее наглядными в этом отношении являются рукописи Вассиана Возмицкого, который два своих сборника (ГБЛ, собр. Музейное, № 1257 и ГИМ, собр. Синодальное, № 927) составил по преимуществу из сочинений волоколамских авторов, включив в свои собственные.

Нифонт Кормилицын, будучи игуменом Волоколамского монастыря, по желанию митрополита Даниила работал по составлению сводной Кормчей (ГБЛ, собр. Ундольского, № 28). В те же годы им было написано послание Василию III «О преставлении старца Кассиана Босого».⁹ Как можно предполагать, он был автором двух рассказов о походах на Казань в 1550-м и 1552 гг.¹⁰ И послание Василию III, и два рассказа о походе на Казань Нифонт Кормилицын наряду с другими произведениями иосифлянских авторов включил в свой сборник (ГПБ, Q. XVII.64).

Разносторонним было творчество Евфимия Туркова, но все оно связано только с Волоколамским монастырем. Под руководством Евфимия Туркова и при непосредственном его участии было составлено несколько документально-деловых произведений, имеющих значение для истории разных видов деятельности монастыря.¹¹ В связи с канонизацией Иосифа Волоцкого в 1578 г. Евфимий Турков предпринял попытку обновить посвященные ему произведения. Он отредактировал и поместил в своем сборнике (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 572) текст надгробного слова Иосифу Волоцкому, указав, что автором его является Досифей Топорков, и переработал Житие Иосифа Волоцкого, написанное Саввой Черным.¹² По предположению А. А. Зимина, позднее, используя эти

⁸ См.: *Седельников А. Д.* {Досифей Топорков и Хронограф} // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 9. С. 768.

⁹ См.: О преставлении старца Кассиана Босого // Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. № 248.

¹⁰ См.: *Кунцевич Г. Э.* Малоизвестные записки о казанских походах 1550 и 1552 года // ЖМНП. 1898. Июль. С. 135—145.

¹¹ См.: *Зимин А. А.* Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 136—139.

¹² См.: *Попов Н.* Саввино Житие Иосифа Волоцкого в переделке XVI в. // Библиографическая летопись. 1914. Вып. 50. С. 59—71.

материалы, он заново написал житие основателя Волоколамского монастыря (ГБЛ, собр. Ундольского, № 324).¹³ Ранее, видимо сразу после смерти Феодосия (1563), Евфимий составил записку о последних днях своего наставника, которую он переписал в сборнике Левкеи Аишева, будущего игумена монастыря (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 512). Здесь же отнюдь не случайно он поместил краткую запись о взятии Полоцка в феврале 1563 г. Дело в том, что в походе на Полоцк среди духовенства присутствовали и иосифляне. Сохранился составленный Евфимием канонник (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 412), куда он включил собственные произведения, наиболее интересные для характеристики его литературного стиля: духовную грамоту, предсмертную исповедь, канон на исход души, канон за друга умершего, а также (в виде летописных записей) краткие некрологи лиц, живших в монастыре во время его игуменства.

Жизнедеятельность Волоколамского монастыря как центра книжности протекала согласно общим законам существования монастырских библиотек. Тем не менее этот книжный центр имел некоторые своеобразные черты. Можно говорить не только об его успешной книгописной и собирательской деятельности, но и об активном воздействии тесно связанного с ним писательского круга на развитие публицистичности в литературе 1-й пол. XVI в. Распространению иосифлянской литературной традиции ближе к середине XVI в. активно способствовали три видных церковных деятеля и публициста: Феодосий, архиепископ новгородский, Нифонт Кормилицын, митрополит Макарий.¹⁴ Ко времени игуменства Евфимия Туркова (1573—1587) влияние иосифлянства на общий ход литературного развития снижается. В это время постриженники монастыря пользуются публицистическими приемами главным образом в борьбе за канонизацию своего патрона. К концу века волоколамский книжный центр вступает в пору консервации, выполняя в основном роль хранителя книжности.

Всякий начальный этап монастырского книжного центра выражается в приобретении богослужебной и церковно-учительной литературы. Как сообщается в описях 1575 и 1591 гг., Иосиф в создаваемый им новый монастырь принес с собой 11 книг. Многие книжники из числа постриженников и сподвижников Иосифа Волоцкого начинали жизнь в монастыре с переписывания книг. Прежде всего надо сказать о Герасиме Черном. Когда Иосиф, оставив Пафнутьев монастырь, отправился в путешествие по другим русским монастырям, своим спутником он избрал Герасима Черного. Среди первых обитателей вновь организованного Иосифом монастыря на реке Ламе в Волоцком княжестве оказался Герасим Черный. В послесловии писца к рукописи с сочинениями

¹³ См.: *Зимин А. А.* Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой. С. 136.

¹⁴ См.: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. С. 505—507.

аввы Дорофея (ГБЛ, МДА, фонд., № 60, л. 209, об.) Герасим Черный выразил свое восторженное отношение к Иосифу, назвав его «начальником, и пастырем, и учителем, и наставником». Сам Герасим Черный, по определению Евфимия Туркова, тоже является «начальником» и «учителем» наряду с Иосифом, Кассианом Босым и Ионой Головой Пущечниковым. Из упоминания о Герасиме Черном в послании Иосифа Волоцкого Борису Васильевичу Кутузову с жалобами на волоцкого князя Федора Борисовича следует, что его работа как книгописца высоко ценилась — он писал книги «мастерского письма».¹⁵ В Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. перечислено 16 рукописей, написанных Герасимом Черным. Эти рукописи занимали почетное место в монастырской библиотеке: в описи они названы одними из первых и безусловно входили в основное ядро книг богослужебной практики монастыря: так, в Описи отмечено: «Евангелие в десть в болшей церкви на престоле, писмо Герасима Чернаго» (л. 26). Другое Евангелие было переписано им совместно с Иосифом Волоцким.

Среди первых писцов, принимавших участие в пополнении библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, были Досифей Топорков, Геласий Суколеный, Тихон Зворыкин, Иван Пищулин, Семион Пустынник, Варлаам Кривошеин. Некоторые из них в дальнейшем занимали видные церковные посты, но не порывали связей с монастырем, пополняя своими вкладами его библиотеку. Уже в 10-х гг. XVI в. многие писцы работают не только для монастыря, но часто выполняют заказы частных лиц и задания видных церковных деятелей.

Кроме того, со временем постриженники создают свои келейные библиотеки, которые во многом отражают литературную жизнь монастыря. По монастырскому уставу Иосифа Волоцкого предусматривалась возможность владения монахами собственными рукописями и иконами. Это свидетельствовало о наличии в монастыре имущественного неравенства между монахами, что предопределялось социальным положением принимающих постриг и предназначением в дальнейшем некоторым постриженникам высокого места в церковной иерархической лестнице. В XVI в. многие постриженники Волоколамского монастыря заняли архиепископские кафедры, а второй игумен монастыря Даниил стал митрополитом. Занявшего после смерти Иосифа игуменский пост Даниила монахи заподозрили «в уравнивательных тенденциях (и стремлении лишить их права на владение иконами и книгами), обратились с протестом к „старцу“ Ионе Голлове, одному из ближайших сподвижников Иосифа, названных им в его предсмертном послании в качестве возможного преемника, подчеркивая, что они его (а не Даниила) „держат“ „вместо отца своего Иосифа“».¹⁶ По опи-

¹⁵ Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. С. 109.

¹⁶ См.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. С. 456. — Послание старцев к Ионе Голове

сям книг Волоколамского монастыря XVI в. можно определить состав частных библиотек его постриженников, рукописи которых или в виде прижизненных вкладов, или после их смерти оказались включенными в монастырскую библиотеку.

В Описи книг 1545 г. отмечено пять рукописей, написанных Герасимом Замытским, будущим архимандритом Симонова монастыря (1520—1526). Эти рукописи занимали почетное место в перечне книг Волоколамской библиотеки. Два октоиха были написаны им совместно с Досифеем Топорковым. О Герасиме Замытском как о монахе Волоцкого монастыря упоминает Иосиф в своем послании Борису Васильевичу Кугузову, написанном в 1511 г. В 1519 г. Герасим Замыцкий посылает в Троице-Сергиев монастырь свою рукопись (ГБЛ, собр. ТСЛ, № 162), на первых листах которой имеется его вкладная запись с сообщением, что «сию книгу, глаголемую Иоан Лествичник, да Ефрем Сирий в ней прописан, дал инок Герасим Замытской из Кирилова монастыря».¹⁷ Затем, уже как архимандрит Симонова монастыря, он отослал как вклад в Волоколамский монастырь Евангелие, написанное Варлаамом Доброписцем, о чем имеется запись на первом листе рукописи (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 17).

Первое известие о профессиональном писце Дмитрие Лапшине относится к 1520 г. в связи с составлением им купчей, в которой он упомянут как «Иосифова монастыря дьячек Дмитрий Федоров сын».¹⁸ И в дальнейшем он, как дьяк, систематически составляет грамоты для вкладчиков в Иосифо-Волоколамский монастырь и кроме того выполняет обязанности монастырского слуги.¹⁹ Последним известием о Д. Лапшине является упоминание о сделанном им в 1583 г. вкладе в Волоколамский монастырь. Лапшин являлся профессиональным писцом и помимо выполнения перечисленных обязанностей на протяжении многих лет (20—70-е гг. XVI в.) переписывал книги для монастыря и по заказам частных лиц. Б. М. Клоссом установлено не менее 12 рукописей, в написании которых принимал участие Д. Лапшин.²⁰ Этот книгописец-профессионал работал под руководством видных деятелей иосифлянства — митрополита Даниила, архиепископа новгородского Феодосия, игумена Евфимия Туркова. Наряду с деловыми бумагами Лапшин переписывал значительные по объему произведения (такие, как толковая Псалтырь в переводе Максима Грека, Тактикон и Пандекты Никона Черногорца, Библия), а также делал копии одних и тех же произведений в нескольких экземплярах (напри-

опубликовано: *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. Прил. С. 55—57.

¹⁷ Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры., М. 1878., Ч. 1. С. 141.

¹⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2. № 432.
¹⁹ См.: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России: (Конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 167—169.

²⁰ См.: *Клосс Б. М.* О рукописях, написанных дьяком Дмитрием Лапшиным // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 136—142.

мер, в рукописях ГБЛ, собр. Волоколамское, № 522 и ГПБ. Q.I.214). Он был одним из главных писцов вместе с Фомой Шмоиловым в организованной митрополитом Даниилом в 20—30-х гг. литературно-книгописной работе при митрополичьей кафедре. По заданию Даниила Д. Лапшиным был переписан текст Симеоновской летописи (БАН, 16.8.25).²¹ Им же написана вторая часть Сборника митрополита Даниила (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 490). В описях книг Волоколамской библиотеки 1573 и 1591 гг. Д. Лапшин упомянут только как писец рукописей богослужебного и учительного содержания, в числе которых названа написанная им совместно с митрополитом Даниилом рукопись с сочинениями Иоанна Дамаскина.

Фома Шмоилов — писец несколько иного плана. Он не только занимался переписыванием рукописей, но, как и некоторые другие книжники Волоколамского монастыря, собирал свою келейную библиотеку. В описях 1545 и 1573 гг. он назван владельцем пяти рукописей. Три из них представляют собой сборники разнообразного содержания (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 500, 526; ГИМ, собр. Епархиальное, № 354), статьи которых написаны не только самим Ф. Шмоиловым. Ему принадлежала также Псалтырь, написанная Симеоном Пустынником. Пятая из названных рукописей — Проветитель Иосифа Волоцкого, переписанный самим владельцем (это, видимо, один из списков собр. Епархиальное, № 337, 338, 339, 340). Б. М. Клосс определяет участие Ф. Шмоилова в составлении других рукописей (ГИМ, собр. Епархиальное, № 162, 343, 380; ГБЛ, собр. Волоколамское, № 571, 659; ГИМ, собр. Синопальное, № 280, 562).²²

Значение Иосифо-Волоколамского монастыря не только как центра книжности, но и как литературного центра прослеживается в основном на материале четьих сборников. Сопоставительное изучение их позволяет проследить участие монастыря в литературном процессе определенного периода, а также выявить отличительные черты этого литературного центра. Как уже говорилось, усиление общественно-политической роли иосифлянства в течение XVI в. и публицистический характер творчества его наиболее видных писателей определили направление интересов читающей и пишущей среды волоколамских постриженников. Поэтому характерной чертой четьих сборников иосифлян является наличие в их составе произведений основателя монастыря и других иосифлянских авторов.

Особенностью волоколамских четьих сборников является наличие в них списков произведений, хронологически близких авторскому тексту. В число таких произведений наряду с агиографией,

²¹ См.: *Клосс Б. М.*: 1) Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х—30-х годах XVI в // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 324—325; 2) Никоновский свод п. русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980 С. 81—95.

²² См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод п. русские летописи XVI—XVII веков С. 82—84.

публицистикой входят и назидательные повести, и сочинения исторического содержания. Интерес к современным сочинениям широкой тематики подтверждают волоколамские четьи сборники времени игуменства Нифонта Кормилицына (1522—1543). Нифонт Кормилицын стремился не просто увеличить библиотеку, но собрать и сохранить в монастыре репертуар литературы, представляющей интерес для образованного круга иосифлян. По его заданию составляются сборные рукописи для общемонастырского пользования с произведениями широкого диапазона. Так, рукопись ГБЛ, собр. Волоколамское, № 433, написанная по заданию Нифонта в 1535 г., составлена из поучений византийских и русских церковных писателей. Особенно наглядным свидетельством внимания волоколамских книжников к современной литературе является сборник ГБЛ, собр. Волоколамское, № 659, составленный из статей, написанных в 20—30-е гг. XVI в., в основном в Новгороде и Москве. Сам Нифонт в свою рукопись (ГПБ, Q.XVII.15) заимствовал из этого сборника две статьи — «Повесть о посаднике Добрыне Новгородском» и «Повесть о святогорском монастыре, зовом Иверский». Последнюю статью включил в свой сборник (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 491) и старец Фотий. В сборнике ГПБ, Q.XVII.64 Нифонт переписал «Повесть о храме св. Богородицы, в нем же родися от Иакима и Анны», а также предисловие, в котором сказано, что эту повесть привез из Рима Еремей Трусов в 1528 г. Повесть, кроме того, была включена в сборник Ануфрия Исакова (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 577). Житие Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Саниным между 1500 и 1515 гг. и помещенное в сборнике ГБЛ, собр. Волоколамское, № 659, было переписано в сборнике Евфимия Туркова (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 572); Житие Павла Обнорского включено в сборник ГБЛ, собр. Волоколамское, № 582. Краткая записка о Макарии Колязинском переписана в сборнике Марка Левкеинского (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 515); Житие Михаила Клопского Тучковской редакции включено в сборник житий XVI в. (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 632). Текст Повести о создании и взятии Царьграда, заимствованный из Хронографа, кроме сборника Волоколамского, № 659 включен в современный ему сборник Дионисия Звенигородского Лупы (собр. Волоколамское, № 661). Отрывок Повести переписан в рукописи Нифонта Кормилицына (ГПБ, Q.XVII.15). Летописный текст об испытании вер князем Владимиром кроме сборника Волоколамского, № 659 включен в рукопись 20-х гг. XVI в. (ГИМ, собр. Епархиальное, № 410).

Хронологическая близость списков произведений, включенных в волоколамские четьи сборники, авторскому тексту касается также светских литературных произведений, которые стали популярными среди волоколамских старцев и переписывались из одного сборника в другой. Это относится к некоторым редакциям Прения живота и смерти.²³ Ранние списки третьей редакции, написанные

²³ См.: Повести о споре жизни и смерти / Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964.

в 20—30-х гг., принадлежат Волоколамскому и Кирилло-Белозерскому монастырям и представляют разные варианты переработки текста, восходя к общему оригиналу. Поэтому можно считать, что текст оригинала третьей редакции Прения живота и смерти в каждом из монастырей подвергся некоторой литературной обработке. Ранний волоколамский список третьей редакции представлен в рукописи ГИМ, собр. Епархиальное, № 405, принадлежавшей Дионисию Звенигородскому, близко связанному с писательской средой своего времени, в которую входил, видимо, редактор текста Прения живота и смерти. Вторая волоколамская рукопись (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 638) в большей своей части повторяет содержание сборника Дионисия Звенигородского. в том числе и текст Прения живота и смерти.

Самый ранний список четвертой редакции этого же произведения, относящийся к середине XVI в., находился тоже в волоколамском сборнике (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 520), владельцем которого был старец Мартин Рыков. Многие статьи заимствованы в этот сборник из рукописи Нифонта Кормилицына (ГПБ, Q.XVII.64). Есть основания связывать появление четвертой редакции Прения живота и смерти также с волоколамской средой. Еще больше оснований полагать, что вторая редакция Прения была написана в Волоколамском монастыре (она сохранилась в двух волоколамских сборниках). Ранний текст ее находится в рукописи 20—30-х гг. XVI в. (ГИМ, собр. Епархиальное, № 82). С этого списка несколько позднее переписал текст Прения в свою рукопись (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 492) старец Фотий. Дальнейшего распространения редакция не имела.

С литературной средой Волоколамского монастыря XVI в. следует связывать появление еще одного сочинения, по тематике близкого Прению живота и смерти, — «Сказания о смерти некоего мистра философа». Волоколамский список этого произведения (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 573) является самым ранним из сохранившихся списков и имеет на полях и внутри текста редакторскую правку, которая вошла в текст «Сказания». «Сказание» представляет собой перевод польского памятника «Разговор магистра Поликарпа со смертью». В польском оригинале тема спора между человеком и смертью решена в сатирическо-юмористическом плане. Русский переводчик сознательно устранил все элементы юмористического характера и создал по существу новое произведение в нравоучительном, дидактическом тоне. Учитывая близость темы и стиля его с популярным в Волоколамском монастыре Прением живота и смерти, можно думать, что если не сам перевод «Сказания о смерти некоего мистра философа» принадлежал кому-то из иосифлян, то редакция безусловно сделана в Волоколамском монастыре.

Популярной в Иосифове монастыре была Повесть об Евстратии-Велларии, которая в волоколамских списках озаглавлена одинаково: «Слово от история о некоем муже, бывшем воеводе в Веллицем Риме». Эта повесть в течение продолжительного времени

переписывалась волоколамскими старцами, в частности она оказалась включенной в сборники уже упомянутых любителей литературного чтения Ануфрия Исакова (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 577), Фотия (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 491), Нифонта Кормилицына (ГПБ, Q. XVII. 64), Евфимия Туркова (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 572). Если не появление первоначального перевода повести, то ее дальнейшее редактирование, вероятно, можно связывать с Волоколамским монастырем. Дело в том, что самым ранним сохранившимся списком этой повести полной редакции является волоколамский список (ГИМ, собр. Епархиальное, № 404). Рукописи ГИМ, собр. Синодальное, № 453 и ГБЛ, собр. Рогожское, № 530, имеющие в своем составе Повесть об Евстратии-Велизарии, едины по содержанию и ведут свое происхождение из Волоколамского монастыря.

Некоторые произведения XVI в. оставались известными только иосифлянкой среде. В волоколамских рукописях XVI в. имеется рассказ патеричного типа, созданный не позднее 20—30-х гг. XVI в. Он посвящен описанию кончины некоего старца Антония Галичанина, случившейся в 1526 г. в Павловой пустыни, и ведется от лица очевидца событий. Впервые в Волоколамском монастыре рассказ был переписан в сборнике Дионисия Звенигородского (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 661) не позднее 20—30-х гг. В этой рукописи рассказ не имел заглавия. Нифонт Кормилицын поместил его в своих сборниках дважды (ГПБ, Q. XVII.15 и Q. XVII.64); в одном случае он дал ему заглавие «О преставлении старца Антония Галичанина». В рукописях Мартина Рыкова (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 520) и Фотия (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 491) рассказ помещен под заглавием «Повесть страшна и зело полезна».

О тесных взаимодействиях книжников Волоколамского монастыря свидетельствуют также включенные в их четьи сборники рассказы о стихийных бедствиях. Краткие заметки о наводнении в Неаполе в 1523 г. и о землетрясении в Венгрии в 1524 г. переписаны одна за другой в двух сборниках — Дионисия Звенигородского (ГИМ, собр. Епархиальное, № 405) и Нифонта Кормилицына (ГПБ, Q. XVII.15). Заметка под названием «Сказание о знамении небесном иже бысть в Немецкой земле в граде в Риге» тоже посвящена описанию события, случившегося в 1524 г. Она известна по рукописи Вассиана Возмщкого (Кошки) (ГБЛ, собр. Музейное, № 1257). Следом за этой заметкой Вассиан включил рассказ о землетрясении в Шимбории и Солоникии в 1524 г. Его же переписал в своей рукописи Нифонт Кормилицын (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 551). А. Д. Седелников склонен считать, что автором рассказа о землетрясении в Шимбории был Досифей Топорков.²⁴

²⁴ См.: Седелников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф. С. 772—773. — А. И. Соболевский считал, что оригинал рассказа был написан немецки. Рассказ ему был известен по рукописи ГПБ, собр. Соловецкое, № 682 (Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 236—237).

Интерес владельцев четых сборников к произведениям своего времени, связанным с самого разного рода событиями, сохраняется и в дальнейшем. Вступление к чпу венчания Ивана Грозного на царство, известное под названием «Поставление великих князей русских, откуда бе и како начашася ставитися на великое княжение святыми бармами», включено в три волоколамских сборника (ГИМ, собр. Епархиальное, № 379; ГБЛ, собр. Волоколамское, № 572; ГПБ, Q.I.214), современных совершенному венчанию на царство. В первой рукописи, принадлежавшей Нифонту Теряеву, имеются записи 1545 г. о хозяйственных расчетах, о поездке игумена монастыря в Москву. Поэтому можно предположить, что текст «Поставления», входящий в состав данной рукописи, был получен в Волоколамском монастыре еще до венчания Ивана Грозного. Второй и третий списки были переписаны с текста, содержащего полный чин венчания и поучения митрополита Макария Ивану IV. Текст Сказания о князьях владимирских, которое было написано во время княжения Василия III и включало в себя «Поставление», известен был в монастыре не позднее 30—40-х гг. XVI в.

По кратким летописным записям, встречающимся в волоколамских сборниках, видно, что в середине XVI в. монахов монастыря интересовали события общего государственного значения, такие, как церковный собор, посвященный канонизации святых, дело о еретике Матвее Башкине, взятие Казани. Интерес к этим событиям в Иосифовом монастыре был в значительной степени обусловлен непосредственным участием его иноков в политической жизни государства.

К событиям, связанным со взятием Казани, имели отношение многие иноки Волоколамского монастыря, что нашло отражение в монастырских четых сборниках. Нифонт Кормилицын был среди церковников, участвовавших в походе на Казань. Этим объясняется включение в его сборник ГПБ, Q.XVII.64 двух рассказов о казанском взятии, о чем уже говорилось ранее. Здесь же имеется статья, озаглавленная «О святем мучинице Иване иже за Христа мучен во граде Казани». Кроме Нифонта эту статью включил в свой сборник его современник, старец Мартин Рыков (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 520). Рассказ по своему сюжету очень прост: татары убили пленника по имени Иван за то, что он отказался отречься от православной веры. Любопытными являются некоторые конкретные детали, указывающие на то, что произведение было составлено лицом, побывавшим в Казани. Это событие приурочено к 20 января 1529 г. Некоторыми натуралистическими подробностями описания смерти рассказ напоминает Повесть об Антонии Галичанине. По всей видимости, это небольшое сочинение, близкое по жанру мартирологу, вывез из Казани сам Нифонт.

Из числа волоколамских постриженников не один Нифонт Кормилицын побывал в эти годы в Казани. На следующий год после взятия Казани там был поставлен архиепископом Гурий Руготин. Одновременно с ним послан был архимандритом в Свяжк-

ский город игумен Селижарова монастыря Герман Садырев, видный церковно-политический деятель. Вместе с Гурием Руготиним в 1555 г. ездил в Казань старец Герасим Ленков.²⁵ Поэтому о казанских событиях были хорошо осведомлены в Волоколамском монастыре. В Часовнике Игнатия Зайцева (ГИМ, собр. Епархиальное, № 264) сделаны в нескольких местах пометы, что Казань была взята 20 октября 7061 г., и в связи с этим записано, какую службу надо читать в этот день. Тот же Игнатий Зайцев вел летописные записи (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 362), в которых значительное место уделено известиям, связанным с Казанью. Многие сведения об этом он, по-видимому, получил от Герасима Ленкова, о смерти которого в 1559 г. тоже записал в своей рукописи.

Названные летописные записи Игнатия Зайцева представляют собой один из вариантов кратких летописцев, которые составлялись владельцами четьих сборников обычно на основании бытующих в монастыре общерусских летописей с внесением отдельных известий местного характера. В летописе Игнатия Зайцева приведены общерусские известия с 1486 по 1547 г., заимствованные, вероятно, из Часовника (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 416), имя владельца которого осталось неизвестным. Существует несколько кратких летописцев такого рода, написанных в Волоколамском монастыре: летописец Марка Левкеинского (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 515); летописец, составленный в 20-х гг. XVI в., владелец неизвестен (ГБЛ, собр. Музейное, № 3841); летописец Сильвестра Капустина (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 387); летописец в рукописи ГИМ, собр. Епархиальное, № 410.

Большое распространение только в Волоколамском монастыре получил Летописчик Иосифа Санина. Он представляет собой краткую биографическую справку о Иосифе Волоцком с подробным упоминанием дат и с перечислением некоторых фактов из истории создания Волоколамского монастыря.²⁶ Первая редакция его создана не позднее 2-й пол. 20-х гг. XVI в., вторая, более пространная, написана несколько позднее в единственном списке в сборнике Ануфрия Исакова (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 577).²⁷

О составлении летописных сводов в самом монастыре никаких известий не сохранилось. Как уже упоминалось, некоторые волоколамские писцы принимали участие в работе над летописями в митрополичей мастерской при митрополите Данииле. На основании описей книг Волоколамского монастыря можно говорить о собирании в монастыре хронографических текстов, в том числе сохранялся там список Летописи Манассия. Наличие в монастыре спи-

²⁵ «А из Осифова монастыря старец Герасим Ленков послал князь велики на время с архиепископом» (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 362, л. 308, об. — 309).

²⁶ Условное название произведения дано первым публикатором его: *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 3—39.

²⁷ См.: *Плигузов А. И.* Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники: Сб. статей 1984 г. М., 1984. С. 174—186.

сков всемирных хроник связано с работой Досифея Топоркова по составлению Русского хронографа, о чем свидетельствуют материалы описей монастырских книг.

Подводя итоги, следует отметить, что Волоколамский монастырь с конца XV в. и в течение всего XVI в. был одним из значительных центров книжности, а его постриженники принимали самое деятельное участие не только в политической, но и в литературной жизни того времени. В то же время сохранившийся рукописный материал Волоколамской библиотеки дает возможность проследить установление и сохранение традиций данного книжного центра: преобладание интереса к литературе, утверждающей престиж монастыря и его идеологическую и политическую направленность. При наличии большого интереса к современным произведениям в нем сохранялась верность традициям посифлянского круга, что обуславливало его замкнутость и обособленность.

Предлагаемое читателям издание входит в тематический цикл исследований о книжных центрах Древней Руси. Данный сборник посвящен одному из значительных центров книжности — библиотеке Писифо-Волоколамского монастыря. Публикуемые в настоящей книге материалы предоставляют исследователям возможность привлечения их для дальнейшего углубленного исследования литературы и политических событий Русского государства начиная со второй половины XV в.

Текст описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. перепечатывается из труднодоступного издания 1911 г., так как сама рукопись с текстом описания не сохранилась. Описи 1573 и 1591 гг. публикуются впервые, подготовлены к печати Р. П. Дмитриевой.

Волоколамские рукописи хранятся в составе Епархиального собрания ГИМ (№ 1—432). Впервые издаваемое их описание осуществлено Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной. В составлении описания рукописей № 1—207 принимала участие сотрудник кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета И. В. Поздеева. Указатели составлены Т. В. Диановой, Л. М. Костюхиной, Т. А. Кругловой, М. М. Леренман, М. Д. Каган.

